

Кролик не дал Е Цзы полной свободы. Е Цзы и впрямь мог беспрепятственно бродить по комнате, но выйти за дверь был не в состоянии — его сковывали кандалы на ногах, не позволяя делать широкие шаги при ходьбе. Посередине железной цепи крепилась ещё одна, довольно длинная, которая была прикована к птичьей клетке. Не избавившись от неё, Е Цзы было не сбежать.

Спустя месяц после того, как его выпустили из клетки, Е Цзы постепенно выяснил кое-какую информацию, полезную для побега. Кролик рассказывал, что, когда тому было лет десять, он спас его во время бури и привёл в эту комнату. На самом деле воспоминания об этом событии у него были смутными, он помнил лишь, как долго-долго бежал по грязной, размытой дороге. Если память ему не изменяла, это место находилось высоко в горах, и, чтобы спуститься к подножию, потребовалось бы чуть больше двух часов.

Сейчас первоочередной задачей было достать телефон. Эта местность не была совсем уж глушью — возможно, пробежав совсем немного, он наткнулся бы на людей. Кролик каждые два дня уходил из дома и возвращался часа через два-три, неся в руках продукты. Это означало, что неподалёку есть магазины, а может быть, даже городок.

Что же до ключей — тут всё было не так уж сложно. Ключ от птичьей клетки Кролик держал в кармане брюк, а ключи от кандалов и входной двери носил на шее. Обычно Кролик спал чутко, и выкрасть их вряд ли бы удалось. Но после бурных плотских утех он засыпал мёртвым сном, и это было самое подходящее время для побега.

В один из дней в начале осени Е Цзы наконец решился бежать. Стояло раннее утро. Ему удалось снять кандалы и открыть дверь. Когда в лицо ударил холодный ветер, он всем телом мелко дрожал от волнения. Е Цзы бросился вперёд, не разбирая дороги, но с удивлением обнаружил, что бежать почти не в силах: тело казалось невероятно тяжёлым, и, не пройдя и нескольких шагов, он начал задыхаться. В замешательстве Е Цзы посмотрел на свои руки, а затем взглянул на своё отражение в водной глади заводи.

Он уже очень, очень давно не смотрелся в зеркало. Поэтому, увидев себя таким, он попросту испугался. Мертвенно-бледная кожа, под глазами залегли тёмные круги, а белки глаз покрыта красной сетью лопнувших капилляров. От его былой фигуры и мышц не осталось и следа. Из-за того что его ноги подолгу оставались скованными, а сам он постоянно лежал в постели, мышцы ног стали неимоверно слабыми, а на лодыжках темнели кровоподтёки и красные следы оков. Но самым невыносимым было то, что сочилось из его тела... Ему казалось, что он уже вовсе и не мужчина, а какой-то монстр! Грязный, какой же грязный! До чего же омерзительно!

Сорвав с себя одежду, он прыгнул в воду, чтобы отмыться. Но, как он ни старался, всё было бесполезно. На самом деле, даже будучи запертым в той комнатухе, он регулярно мылся. Он понимал: по-настоящему грязной была не его оболочка, а его прогнившая душа. И поэтому, сколько бы он ни тёр себя, эта грязь всё равно никуда не денется...

Позже голос разума подсказал ему: сейчас главное — не чистота, а побег. Нужно найти кого-нибудь и одолжить телефон! Натянув одежду, он побежал дальше. Пробираясь сквозь лес, перелезая через колючие кустарники, он то и дело поскользнулся на покрытых мхом валунах.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем он наконец увидел человека. Это был старик с вязанкой хвороста, следом за ним плелась дворная собака. Е Цзы замялся лишь на мгновение, после чего направился к нему. Всё прошло на удивление гладко. Выслушав Е Цзы, старик поспешил отвести его к себе домой.

Они с женой жили в каменном доме. Женщина радушно налила Е Цзы миску горячего супа, а выслушав его рассказ о том, что ему пришлось пережить, торопливо вынесла из комнаты старенький мобильный телефон, чтобы тот мог позвонить родным. И Е Цзы набрал номер матери.

Гудок... гудок... гудок... Сердце Е Цзы бешено колотилось. Когда он наконец-то — наконец! — услышал мамино «Алло», из его глаз невольно брызнули слёзы.

— Мам! Это я! — хрипло выкрикнул он, с ужасом понимая, что его голос осип до неузнаваемости.

Мать на другом конце провода тут же громко закричала, в её голосе смешались крайняя тревога и безумная радость:

— А-Цзы? Это ты?! Ох, мальчик мой, где ты?! Боже мой... два месяца прошло... А мне говорили... все говорили, что ты...

Она разрыдалась, её голос зазвучал прерывисто.

— Со мной всё в порядке! Я... в горах, кажется, где-то в северном пригороде...

Е Цзы не успел договорить, как снаружи раздался сильный грохот, а следом — непрерывный, залиvistый собачий лай. Затем звонок оборвался. Сигнал пропал. Старик нахмурился:

— Что это там стряслось?

— Пойду-ка гляну, — отозвалась старушка.

— Нет, стойте! — Е Цзы внезапно кое-что осознал и выглянул в окно.

Так и есть! Он увидел его. Человек, похожий на самого сатану, уже был посреди двора. Дворовые псы окружили его, припадая к земле: они неистово лаяли, но ни один не решался броситься. А он лишь с безмятежным видом смотрел на входную дверь, медленно шагая вперёд.

«Откуда он узнал, что я здесь? Неужели прицепил ко мне какой-то жучок?» Но сейчас было не до размышлений. Двое стариков, только что слышавших историю Е Цзы, тут же догадались, кто стоит за дверью. Их лица исказились от гнева:

— Тот парень, про которого ты толковал, это он, что ли?! Ни в какие ворота не лезет! Пойдём-ка мы с ним потолкуем.

Е Цзы поспешно попытался их остановить:

— Не ходите! Он страшный человек... Я не знаю, что он может выкинуть...

— Да что он нам сделает?! — бросил дед, уже открыв дверь и выходя наружу. Старушка последовала за ним, закричав во всё горло: — Что тебе нужно?!

Кролик посмотрел на стариков и слегка улыбнулся. Его улыбка была настолько мягкой, что от неё веяло теплом весеннего ветра. На самом деле Кролик казался абсолютно чужеродным элементом в этом месте: на нём был лёгкий бежевый тренч, тонкий белый свитер и безусловно чистые, без единой пылинки, чёрные туфли. Ветер разведал его светло-каштановые волосы. С его поразительно красивым лицом он выглядел как истинный аристократ, спустившийся с небес на землю.

— Я пришёл забрать а-Цзы домой. Пожалуйста, верните его мне, — произнёс он. У него была безупречная дикция, а чистый голос отдавал лёгкой хрипотцой. Человеку с таким голосом полагается быть воплощением нежности.

Старики растерялись: этот юноша разительно отличался от того дьявола во плоти, которого им только что описывал Е Цзы.

— А... кем ты ему доводишься-то? — спросили они.

— Он мой старший брат.

— А чего ж он тогда сбежать удумал?

— И правда, почему же? — на лице Кролика отразилось неподдельное недоумение. — Я укладывал его спать на самую мягкую кровать, каждый день покупал ему свежие цветы. Каждый день грел для него молоко, пёк булочки с кокосовой стружкой и шоколадные десерты, вкладывал всю душу, готовя для него еду. Я знаю, что он любит принимать ванну, поэтому каждый вечер я набирал для него воду, добавляя туда его любимые ароматические масла. Я наливал ему вино, а когда по ночам ему снились кошмары — обнимал... Так что я и сам не могу взять в толк, чем ему не угодил. Ещё прошлой ночью он страстно стонал в моих объятиях, а сегодня решил сбежать. Почему же? Бра-а-а-тик?

Последнее слово он произнёс очень медленно, громко, с нескрываемой издёвкой. А его взгляд уже скользнул за спины стариков, остановившись на Е Цзы. У того кровь застыла в жилах — он сгорал от стыда. На лицах стариков проступил румянец.

— Так кем вы всё-таки... друг дружке приходитеесь? — снова спросила старушка.

Е Цзы широким шагом вышел вперёд и холодно отчеканил:

— Уходи. Я к тебе не вернусь.

— Почему?

— Почему?! — Е Цзы больше не контролировал выражение своего лица. — Е Чэнси, любой человек нуждается в достоинстве и свободе! Нельзя просто так взять и отнять у человека всё лишь потому, что он тебе нравится. Лишить всего! Нельзя из прихоти убивать его близких, заковывать ему ноги, красть его будущее, держать на привязи, как животное, использовать для удовлетворения своей похоти, превращая в свою собственность, в инвалида!.. Е Чэнси, так нельзя! Твои чувства — никакая не любовь! Не любовь! А с меня... с меня правда хватит... С меня хватит! Если так пойдёт и дальше, чем это будет отличаться от смерти? Уж лучше сдохнуть, чем вернуться к тебе!

Е Цзы сорвался на крик и напугал даже дворовых собак. В воздухе закружились багряные осенние листья, словно их сорвало с веток эхо его голоса. Спустя добрых полминуты снова раздался тихий, вкрадчивый голос Кролика:

— Какой финал для истории самый прекрасный? Ах, полагаю, это смерть. Как говорил По [1], нет в мире ничего прекраснее, чем смерть прекрасного создания. А для меня, пожалуй, нет ничего романтичнее, чем умереть в один день с самым любимым человеком.

От этих слов по спине Е Цзы пополз липкий холодный пот.

— Что ты несёшь?

Кролик по-прежнему нежно улыбался. Он говорил тихо, словно декламировал стихи:

— А-Цзы, я убью тебя так, что ты не почувствуешь боли. И даже после смерти ты останешься самым прекрасным. А когда ты умрёшь, я омою тебя чистойшей водой, вотру в твою кожу благоухающие лосьоны и расчесу каждую прядь твоих волос. Я надену на тебя твой любимый костюм и уложу в постель из десяти тысяч красных роз...

Е Цзы словно заledenел. Виски сдавило, дыхание сбилось, ему казалось, будто его швырнули в ледяную воду, и он вот-вот задохнётся. Ведь только сейчас он заметил, что в руке Кролик сжимает пистолет. Не переставая говорить, Кролик поднял абсолютно чёрный ствол и направил дуло прямо в лоб Е Цзы.

Стоявшие позади старики тоже до смерти перепугались, не смея проронить ни звука. Е Цзы, изо всех сил стараясь казаться спокойным, произнёс:

— Что ты делаешь?.. Я...

Кролик слегка склонил голову и улыбнулся:

— Всё потому, что а-Цзы не хочет возвращаться ко мне. А раз так...

— Я вернусь! — в отчаянии выкрикнул Е Цзы.

Но выражение лица Кролика постепенно становилось зловещим, а во взгляде сквозила насмешка:

— Но как я могу тебе верить, братик? Вернёшься, будешь притворяться, что счастлив, а потом снова сбежишь? У кого будешь просить помощи в следующий раз?

Глаза Е Цзы покраснели, он паниковал и был на грани истерики:

— Не надо так...

Мрачная тень внезапно исчезла с лица Кролика. Его голос зазвучал вкрадчиво и осторожно, точь-в-точь как у взрослого, который боится довести до слёз маленького ребёнка:

— Ах, ну к чему такое выражение лица? Я вовсе не хочу тебя обижать. Просто, если я этого не сделаю, ты уйдёшь... А ты ведь знаешь, я не могу без тебя...

— Опустит пистолет... Опустит его... Мы... Я... не хочу умирать... А-а-а!..

Бах! Бах! Два выстрела, прозвучавшие один за другим, спугнули лесных птиц и до смерти перепугали стаю дворовых псов. Е Цзы застыл с открытым ртом, всё его тело содрогнулось. Он не почувствовал ни малейшей боли, зато что-то брызнуло ему на спину. А затем он услышал, как с глухим стуком осели на землю два тела. Е Цзы обернулся: двое стариков, которые ещё мгновение назад были живы и здоровы, теперь лежали на земле с широко распахнутыми глазами. Их головы были пробиты, из ран хлестала кровь. Вся стена была забрызгана алой кровью, напоминавшей гротескный узор небрежно выплеснутой краски.

Е Цзы хотел закричать, но из горла не вырвалось ни звука. К горлу подкатила тошнота, но его так и не вырвало. Он рухнул на землю. Под ним натекла лужа — от животного ужаса он обмочился, но сейчас уже не чувствовал стыда. Ему казалось, что его мир окончательно рухнул, не оставив даже крошечной искры надежды. Прошло очень, очень много времени, прежде чем он спросил:

— Зачем было их убивать? Двое невинных стариков... Какой в этом смысл?

— Это ты обрёк их на смерть.

Е Цзы оцепенел на несколько секунд, а затем опустил голову и пробормотал:

— Да... Это я их погубил. Я больше не хочу никого губить. Поэтому... просто убей меня.

Кролик подошёл к нему, снял свой тренч, накинул ему на плечи, а затем поднял брата на руки:

— Как бы я смог? — Сказав это, Кролик, как ни в чём не бывало, оставил на лбу Е Цзы лёгкий, как взмах крыльев бабочки, поцелуй.

Всё, что было после, слилось в сплошное размытое пятно. Е Цзы то ли потерял сознание, то ли уснул. Как бы то ни было, всё вокруг казалось туманным, воспоминания путались, и ни в чём больше не было смысла.

Ему снились сны. Снилось то время, когда они ещё любили друг друга. Снилось, как Кролик нёс его на спине, покачиваясь на ходу. Е Цзы всегда без зазрения совести, растопырившись, словно лягушонок, наваливался всем своим весом ему на спину, обвивал руками его шею и без умолку трещал над ухом. А когда Кролик не обращал на него внимания, нарочно сжимал его ногами или щекотал. И тогда, не раз и не два, Кролик просто прижимал его к уличной скамейке и, склонившись, жадно целовал.

Снилось, как они, взявшись за руки, сидели в лунном свете и дремали, прислонившись друг к другу. Снилось, как Кролик улыбался ему в лучах солнца, а он сам протягивал руку и трепал его мягкие волосы. А ещё снилось, как он в исступлении избивал Кролика, разбивая его лицо в кровь, а потом ещё более неистово обнимал его, плакал и целовал. Снилось, как он снова и снова спрашивал его: «Почему мы стали такими? Почему всё так обернулось? Почему всё всегда так, всегда так, всегда так?» И в ответ слышал его тихий шёпот прямо над ухом: «Не плачь, не плачь... Прости меня... Прости... Прости...»

Вернувшись в тот дом, Е Цзы спал трое суток подряд. Проснувшись, он целый месяц не произносил ни слова и почти ничего не ел. Он знал, что Кролик сходил с ума от тревоги и даже

частенько плакал из-за него. Но теперь их отношения были окончательно извращены. Причинять Кролику боль стало для Е Цзы удовольствием.

Он понимал, что его физическое состояние ухудшается с каждым днём. Его мучили сильный звон в ушах и галлюцинации, тревожили сны, а качество сна стало отвратительным. Он часто не мог понять, где находится, а порой и вовсе начинал верить, что настоящий он живёт в мире сновидений, где растут зелёные растения и висят белоснежные занавески. Он всё ждал, что кто-нибудь спасёт его. Свято верил, что тот звонок маме станет его спасением. Но никто так и не пришёл за ним. «Наверное, они ищут не в том месте», — думал Е Цзы.

В моменты крайнего отчаяния он подумывал о самоубийстве, но так и не решился его совершить. Он не мог просто взять и отказаться от всего. Начал тайком вести дневник — делал записи каждые несколько дней. Написав пару строк, он прятал листок в коробку и закапывал её в землю. Иногда иронизировал над собой, думая, что уподобляется Робинзону Крузо, высекавшему даты на камне. Но по крайней мере это давало ему хоть какую-то надежду. Дневниковые записи не были длинными — обычно всего пара фраз.

15 ноября. Сегодня видел мёртвого воробья. Наверное, замёрз насмерть. Какой глупый. Почему бы не улететь туда, где тепло?

21 ноября. Вчера мы ходили на прогулку. Во время прогулки на меня вдруг нашло помутнение. Я захотел, улучив момент, когда он отвернётся, сорваться с места, разбежаться и броситься со скалы прямо в озеро. Но я этого не сделал. Вода слишком холодная, а я боюсь холода.

22 ноября. Нужно спасать себя самому.

25 ноября. Неудача. Что со мной не так? Почему у меня не вышло сделать такую простую вещь? До какой же степени трусости я дошёл?

28 ноября. Снова ничего не вышло.

5 декабря. Я понял, что не решаюсь. Сидел у него за спиной, сжимая в руке нож. Он спал,

отвернувшись от меня, и я точно знал, что он уснул. Всего один удар — и его не станет, а я обрету свободу. Это ведь так просто... Но... но меня вдруг покинули силы, я попросту не посмел! К тому же меня не оставляет чувство, что он всё знает, всё время наблюдает за мной! Смотрит на меня!

(Множество предложений написано и затем зачёркнуто, всё выглядит очень хаотично.)

8 декабря. Так и знал! Он всё видит... видит! Нож ещё даже не коснулся его, а он вдруг подал голос. Не поворачиваясь, он спросил:

— Что ты делаешь?

Этот голос был поистине жутким. Ведь он совершенно точно спал... Почему... почему... Неужели он всё это время лишь притворялся спящим?!

Я уже начал сомневаться, человек он или призрак, а может, он и в самом деле дьявол? На самом деле в последнее время я и правда не вижу его тени, а его лицо бледно, словно у вампира! Ах да, я обнаружил в этом доме странных маленьких существ. Они постоянно наблюдают за мной из тёмных углов, а иногда даже разговаривают со мной. Они — мои друзья.

Они сказали мне, что я должен завладеть его ружьём, что мне следует убить его на улице. В конце концов, он знает этот дом куда лучше меня, здесь у него больше оружия, а снаружи у меня гораздо больше шансов на спасение. Всё верно, я должен попытаться...

21 декабря. Момент наконец настал. Он пообещал завтра взять меня с собой на охоту, и у меня появится шанс завладеть ружьём. Е Чэнси, так и знай, завтра я убью тебя.

Автору есть что сказать. [1] По — имеется в виду Эдгар Аллан По, американский писатель, новеллист, поэт и литературный критик эпохи романтизма. Наиболее известен своими

произведениями в жанре детектива и ужасов. Главные шедевры: «Падение дома Ашеров», «Ворон». Почти все его работы так или иначе связаны со смертью. Он считал, что в мире нет ничего прекраснее смерти красивой женщины (Nothing was more beautiful than the death of a beautiful woman.)

<http://bllate.org/book/14916/1589783>